Проф. Р. Виппэръ.

„СЪ ВОСТОКА СВѢТЪ".

Публичная лекція, прочитанная въ Москвѣ 2 ноября 1906 г.

Цѣна 20 коп.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

Насъ всѣхъ живо и постоянно занимаетъ вопросъ о происхожденіи вѣрованій, господствующихъ въ культурномъ мірѣ. Это вполнѣ понятно. Какъ бы далеко мы ни отодвинулись отъ нихъ въ нашемъ зрѣломъ возрастѣ, но мы всѣ выросли въ нихъ, въ ихъ рамкахъ начали впервые размышлять и ихъ образами продолжаемъ пользоваться всю жизнь свою.

Въ послѣдніе два вѣка прошла огромная работа науки, въ результатѣ которой потеряла силу надъ умами религіозная система, властвовавшая въ Европѣ около полутора тысячелѣтія. Но отъ нея остался рядъ трудно искоренимыхъ представленій о ходѣ человѣческой исторіи. Христіанство такъ долго не допускало рядомъ съ собой другой культуры, что большинство людей привыкло отождествлять то и другое. Мало кто сомнѣвается въ томъ, что именно 1800 лѣтъ тому назадъ зажглась новая сіяющая просвѣтительная сила, тогда какъ раньше были потемки или глухая слабая подготовка, шедшая ощупью. Что «свѣтъ—съ востока» мы давно знаемъ, вѣдь это же и есть формула христіанства, но что́ обыкновенно разумѣютъ подъ востокомъ? Палестину, Іерусалимъ, іудейскихъ пророковъ, время за 5 — 6 вѣковъ до нашей эры.

Въ этомъ отношеніи археологическія раскопки послѣднихъ 10—15 лѣтъ, сдѣланныя въ Передней Азіи,

на берегахъ Средиземнаго моря и въ разныхъ частяхъ Европы, передвинули всѣ наши представленія. Они открыли длинный рядъ вѣковъ культуры, нарисовали намъ совсѣмъ другую древнюю исторію, которая не только въ 4 — 5 разъ длиннѣе извѣстной до сихъ поръ, но еще и составляетъ значительно большую часть всего, что прожито вообще культурными людьми.

Нельзя больше говорить о какомъ-то младенчествѣ языческаго востока, о сонномъ фантастическомъ царствѣ. Тамъ, въ Передней Азіи, среди малолюдныхъ теперь равнинъ, тѣснилось густое населеніе; во всѣхъ направленіяхъ двигалась оживленная торговля, опиравшаяся на обширную кредитную систему, раздавался бойкій международный языкъ. Имущественныя, семейныя, дѣловыя отношенія были такъ сложны, что ихъ приходилось регулировать подробными кодексами, обширными судебниками. О языкѣ такого кодекса, закона вавилонскаго царя Гаммураби, жившаго за 4000 слишкомъ лѣтъ до нашего времени, даетъ понятіе вступительная фраза: «божество поручило царю дать странѣ защиту права, чтобы сильный не могъ вредить слабому». Обширная научная, художественная и религіозная литература была распространена въ обществѣ; среди нея современныхъ богослововъ поражаетъ религіозная лирика, которая не уступитъ псалмамъ Давида. Въ гимнѣ къ небесной царицѣ молящійся говоритъ: «ты исполняешь судъ и приговоръ, законъ на землѣ и на небѣ». А дальше въ его обращеніи вы находите знаменитое евангельское выраженіе: «ты склоняешь свою милость ко всѣмъ труждающимся и обремененнымъ».

Еще одно явленіе открывается намъ все яснѣе и яснѣе: это именно просвѣтительное значеніе Вави-

лона—если собрать старинную культуру подъ одно имя великаго города—для Европы, для всей европейской исторіи вплоть до самыхъ новыхъ временъ. Несомнѣнно, что востокъ, т.-е. вся Передняя Азія, долго, очень долго былъ оригиналомъ, а Европа—копіей, ученицей.

Древняя Европа съ самой ранней поры стариннѣйшаго каменнаго вѣка была повернута лицомъ на востокъ. Оттуда идутъ свѣтъ и богатства, средства борьбы съ природой и предметы обстановки, пріемы работы и инструменты, понятія и вѣрованія. Кто видѣлъ въ музеяхъ каменные молотки, пилки и стрѣлки, навѣрно поражался ихъ однообразіемъ и чаще всего, можетъ быть, заключалъ, что это происходитъ отъ сходства условій, при которыхъ работа совершалась одновременно и независимо въ разныхъ мѣстахъ. Однообразіе получаетъ теперь другое объясненіе. Сходныя вещи, это—фабрикаты, идущіе изъ немногихъ опредѣленныхъ центровъ: можно прослѣдить ясно ихъ пути отъ крупныхъ рынковъ, отъ главныхъ мастерскихъ въ родѣ того, какъ сейчасъ вся некультурная Африка снабжается ножичками, зеркальцами и т. д. изъ немногихъ европейскихъ фабричныхъ округовъ. Можно сказать, что всякая восходящая ступень культуры въ Европѣ была отголоскомъ большого изобрѣтенія на востокѣ: появлялись ли шлифованныя орудія новаго каменнаго вѣка, вводились-ли впервые металлы или совершенствовалась ихъ отдѣлка, возникали крупныя каменныя постройки, вступали новые обычаи погребенія вмѣстѣ съ новыми представленіями о загробной жизни—все это были отозвавшіеся на окраинахъ толчки тѣхъ переворотовъ, которые совершались въ далекомъ центрѣ.

Археологи показываютъ намъ подавляющую массу матеріальныхъ предметовъ; мы должны добавить живыхъ людей въ качествѣ посредниковъ. Мы можемъ представить себѣ купцовъ, мастеровъ и ремесленниковъ, направлявшихся по широкимъ протореннымъ путямъ Азіи, потомъ привычными морскими переѣздами, наконецъ европейскими проселками. Но товары говорятъ гораздо больше: между ними есть иконы, символическія украшенія, амулеты, игрушки: это— знаки догматовъ, молитвъ, сказаній. Тутъ уже не могло быть нѣмого обмѣна. Съ промышленниками вмѣстѣ, безъ сомнѣнія, шли проповѣдники, пророки и заклинатели, аскеты и подвижники, братья монашескихъ общинъ, пѣвцы, музыканты, разсказчики и фокусники, шли апостолы литературныхъ и богословскихъ школъ, артисты и забавники.

Въ нѣсколько большихъ пріемовъ востокъ отдалъ западу запасъ своихъ литературныхъ и идейныхъ богатствъ. Знаками этой передачи служатъ большія, какъ мы говоримъ, міровыя религіи: греко-римская, іудейство, христіанство, исламъ. Всѣ онѣ такъ или иначе возникли изъ вавилонскихъ сектъ, всѣ онѣ образуютъ повторенныя и измѣненныя изданія одного стариннаго оригинала, той религіи и той науки о небесномъ сводѣ, которая отпечатлѣлась на всѣхъ документахъ и памятникахъ стариннаго Вавилона.

Это была огромная стройная система, нѣчто въ родѣ колоссальнаго архитектурнаго лабиринта наблюденій и выводовъ. Многія поколѣнія работали надъ строеніемъ его частей, искусно прилаженныхъ другъ къ другу, и все же въ ней былъ проведенъ одинъ основной руководящій планъ. Небо было изучено до послѣдней детали, на какую только способенъ невооружен-

ный глазъ. Нужно имѣть въ виду, что въ этихъ краяхъ картина ночного неба гораздо отчетливѣе и зрѣніе людей острѣе. Вавилоняне знали, повидимому, четырехъ спутниковъ Юпитера и не исключено, что они видѣли Сатурново кольцо.

Намъ нельзя входить въ частности ихъ вычисленій но я укажу на одинъ выводъ, который вѣроятно высоко оцѣнятъ математики и астрономы. Дѣло въ томъ что солнце, совершая видимый годовой кругъ, въ моментъ весенняго равноденствія должно появляться въ извѣстномъ мѣстѣ опредѣленнаго созвѣздія; но оно едва замѣтно отстаетъ, такъ мало, что приблизительно въ 2200 лѣтъ это составляетъ $^1/_{12}$ большого небеснаго круга. Вавилоняне знали это отставаніе, эту прецессію, какъ говорятъ астрономы, а между тѣмъ явленіе это можно было замѣтить только при непрерывномъ крайне внимательномъ наблюденіи многихъ поколѣній. Въ ихъ время весеннее солнце стояло въ созвѣздіи Тельца, соотвѣтствующемъ апрѣлю, тогда какъ у насъ оно стоитъ въ созвѣздіи Овна, соотвѣтствующемъ марту, потому что вѣдь между наблюденіями ихъ времени и нашего болѣе 2000 лѣтъ разницы.

Но у вавилонянъ сохранились слѣды болѣе старинаго календаря, когда весеннее солнце стояло еще болѣе впереди, въ Близнецахъ, созвѣздіи майскомъ. Они приняли календарь отъ наблюдателей еще болѣе старинныхъ и произвели въ немъ реформу, передвинули начало года на одинъ мѣсяцъ назадъ. Но это обстоятельство вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что точныя астрономическія наблюденія производились по крайней мѣрѣ за 5000 лѣтъ до Р. Х., за 7000 лѣтъ до нашего времени.

Не могу также подробно останавливаться на изуми-

тельной по своей стройности системѣ счета времени и разстояній, мѣръ длины, объема и вѣса. Основную мѣрку вавилоняне опять нашли на небѣ, въ размѣрѣ видимаго поперечника солнца; передвиженіе свѣтила на свою собственную ширину дало имъ единицу для счета времени, минуту, а изъ раздѣленія небеснаго пояса на большія созвѣздія они получили часъ. Между ними оказалось соотношеніе единицы къ шестидесяти, знаменитый шестидесятиричный или дюжинный счетъ, прошедшій по всему міру и сохранившійся въ нашей системѣ часовъ. Въ соотвѣтствіе съ мѣрой времени была приведена единица разстоянія, которую вавилоняне, повидимому, вычислили по длинѣ секуднаго маятника, предупреждая такимъ образомъ замѣчательное открытіе Гюйгенса въ XVII вѣкѣ.

Всѣмъ этимъ мѣрамъ, вычисленіямъ и выкладкамъ придавалось огромное значеніе. Это была настоящая сложная наука, которая методически оперировала своими данными, выходя отъ основной идеи: между небомъ и землей долженъ быть полный параллелизмъ явленій; понять законы одного міра значитъ постигнуть и предвидѣть движенія и событія другого.

Но помимо теоретиковъ, людей анализа, небесной статистики и философіи, помимо астрономическихъ академій были литераторы, популяризаторы ихъ идей. Результаты сложныхъ вычисленій ученыхъ наблюдателей были превращены для широкихъ круговъ общества, для массы народа въ яркіе символы, въ конкретныя правила. Въ красивыхъ легендахъ, въ величественно-поэтическихъ картинахъ передавались понятія о круговоротѣ явленій. Такъ въ умахъ утверждалась своеобразная философія міра. Смыслъ ея тотъ, что въ мірѣ послѣдовательно одолѣваетъ то

свѣтлое, то темное начало. Кругъ годовой кончается погруженіемъ свѣтлаго бога въ адскую водяную бездну и начинается его весеннимъ выходомъ, избавленіемъ изъ пасти смерти. Такой же кругъ повторяется ежедневно въ смѣнѣ ночи и дня. Но тотъ же кругъ есть законъ міровыхъ періодовъ. Свѣтлое начало замираетъ въ большіе сроки: тогда происходитъ свѣтопреставленіе, великій потопъ или великій пожаръ—и затѣмъ изъ этой вселенской катастрофы міръ божій выходитъ обновленнымъ, возрожденнымъ и очищеннымъ.

При помощи поэтическихъ сказокъ уму простеца старались внушить связь законовъ времени и пространства. Ему показывали движущія силы вселенной на азбукѣ, на рисункахъ неба; историческую лѣтопись міра превращали въ географическую иллюстрацію; эпизоды міровой драмы демонстрировали въ блистающихъ узорахъ и фигурахъ ночного неба. Лучше всего нужно было запомнить тотъ поясъ на небесномъ сводѣ, по которому идутъ и солнце, и мѣсяцъ, и всѣ планеты: всякій умѣлъ показать и объяснить его двѣнадцать остановокъ, его звѣриные знаки, а особенно четыре главные, орла, льва, тельца и воителя, или человѣка—фигуры, которыя мы встрѣтимъ потомъ въ сосѣдствѣ четырехъ евангелистовъ; всякій зналъ, что имъ соотвѣтствуютъ четыре могучихъ вѣтра, которые поворачиваютъ поставленный на колеса небесный сводъ.

Весь порядокъ жизни, раздѣленіе возрастовъ человѣка, сроки долговыхъ отношеній, праздники и развлеченія, цѣны на товары и т. д. должны были подчиниться священнымъ символамъ. Приведу одну иллюстрацію. Въ Европѣ въ теченіе всей древности повсемѣстно признавалось отношеніе цѣны серебра къ зо-

лоту, какъ единицы къ $13^1/_8$. Откуда эта странная дробь? Ея авторы—вавилоняне, и у нихъ она имѣла точный астрономическій смыслъ, она примыкала къ общей системѣ. Она получилась изъ цифръ 27 и 360, которыя при сокращеніи даютъ упомянутое отношеніе. 27—число дней для обхода мѣсяца на небесномъ кругѣ, 360—число дней для обхода солнца, серебро считалось металломъ, символически связаннымъ съ мѣсяцемъ, золото съ солнцемъ.

Въ аффективной сторонѣ своей жизни, въ области чувствъ человѣкъ долженъ былъ также подчиниться законамъ мірового круговорота; онъ долженъ былъ воспроизводить всѣ перипетіи борьбы, страданій и торжества свѣтлаго бога.

Въ началѣ года, когда богъ благополучно выходитъ изъ страшной водяной бездны, народъ высаживаетъ его ладью на берегъ, ставитъ ее на колеса и везетъ къ божьему дворцу, по дорогѣ, которая зовется плотиной, хотя она проложена по сухой землѣ. Въ новый же годъ царь, копія верховнаго бога, созываетъ совѣтъ сановниковъ, аналогичныхъ небеснымъ архангеламъ, и воспроизводитъ собраніе боговъ, совѣтующихся о судьбахъ міра. Они бросаютъ жребій и распредѣляютъ должности.

Время отъ времени человѣкъ рѣшался на таинственный обрядъ погруженія въ воду, онъ символически тонулъ, чтобы возродиться наподобіе бога и вмѣстѣ съ нимъ; онъ обезпечивалъ себѣ водянымъ крещеніемъ, т.-е. водяной пыткой, возрожденіе. Въ кружкахъ людей, получившихъ особое посвященіе, увлекавшихся мыслью о безсмертіи, знали еще другой обычай: вѣрующіе устраивали райское пиршество, тайную вечерю, открывавшую доступъ въ небесный

градъ или небесные сады, они вкушали особой пищи безсмертія или пищи жизни.

Всѣ символическія частности вавилонской астрономіи-религіи мы легко узнаемъ въ десяткахъ и сотняхъ общераспространенныхъ въ Европѣ сказаній, обычаевъ, повѣрій, загадокъ и т. д. Двѣнадцать олимпійскихъ боговъ, 12 подвиговъ Геракла, 12 апостоловъ, 12 годовыхъ праздниковъ, 12 паладиновъ Карла Великаго, 12 рыцарей круглаго стола короля Артура, все это—повторенія и варіаціи двѣнадцати сроковъ или остановокъ солнца. Семь главныхъ свѣтилъ, т.-е. кромѣ солнца и мѣсяца еще пять яркихъ планетъ — эта седмица отражается въ обошедшей весь міръ семидневной недѣлѣ, при чемъ христіанское названіе воскресенья такъ и не вытѣснило стараго имени «дня солнца»; и опять идетъ священная цифра семи: 7 небесныхъ архангеловъ, семь главныхъ придворныхъ сановниковъ, семь курфюрстовъ имперіи. Римскія сатурналіи, когда рабы садились на мѣсто господъ, и общеевропейскій карнавалъ, когда можно ходить на головахъ и обращать все въ каррикатуру въ знакъ того, что зимой міръ вывернутъ на изнанку, поднесенье пасхальнаго яйца, символа новорожденія свѣтлаго бога, сожженіе соломеннаго чучела или опрокидываніе на турнирахъ большого манекена въ знакъ погибели зимы, все это—обряды и идеи вавилонскаго Новаго года, которые потомъ распредѣлились между нѣсколькими праздниками.

И затѣмъ безъ конца — географическія названія, историческіе эпизоды, эпическія сравненія, медицинскія средства, судебныя хитрости и т. п. Припомните разсказы объ искупительной жертвѣ невинной дѣвушки или женщины, Лукреціи, Виргиніи, Ифиге-

ніи,—разсказы, помѣщаемые въ исторіи обыкновенно передъ изображеніемъ большой народной катастрофы или революціи: это—нисхожденіе къ мукамъ ада небесной царицы. Или—о томъ, какъ скрывается и пропадаетъ герой у волшебницы, находящейся подъ землей или далеко на западѣ, Одиссей у Калипсы, Тангейзеръ у Венеры. Это—миѳъ о сокрытіи солнца. Припомните птицу Феникса, міровой пожаръ, который она зажигаетъ, и ея возрожденіе изъ пепла; Вѣчнаго жида, которому никогда не суждено успокоиться отъ своихъ странствованій кругомъ свѣта. Остановитесь на рядѣ непонятныхъ деталей въ историческихъ разсказахъ, въ родѣ того, что іудейскій царь собирался наказывать подданныхъ скорпіонами, тогда какъ его отецъ стегалъ ихъ бичами, или возьмите мотивъ знаменитаго бичеванья моря персидскимъ царемъ Ксерксомъ; сопоставьте съ этимъ еще странное оружіе въ одной постоянно повторяющейся сценѣ римскаго гладіаторскаго боя: одинъ изъ двухъ борцовъ старался набросить на другого сѣтку и затѣмъ напиралъ съ серпомъ въ рукѣ. Все это—отраженіе стараго миѳа о борьбѣ солнечнаго бога съ чудовищемъ первоначальнаго хаоса; въ разсказѣ и въ военной игрѣ повторяются ея орудія. Наконецъ, идутъ мелочи и курьезы, моды и суевѣрія, игры и формы жестокости, напр. безсмысленно страшная пытка колесованья, при чемъ колесо означаетъ солнечный кругъ, или прикладыванье къ больному глазу паука, т.-е. подобія шарика съ лучами, или извѣстная игра, состоящая въ томъ, что вышибаютъ камешекъ изъ семи отдѣленій, съ восьмымъ адомъ и девятымъ раемъ, при чемъ мальчишка припрыгиваетъ на одной ногѣ, или прихрамываетъ, совершенно такъ, какъ поступили священники бога

солнца по Библіи, когда ихъ противникъ, пророкъ Илія, предложилъ имъ низвести съ неба—изъ девятой сферы—огонь, т.-е. вызвать паденіе звѣздъ.

Всѣ эти черты, шутки и серьезное, крупное и мелкое, формы рѣчи, разсказы и подражательныя дѣйствія—ничто иное, какъ блестки, отраженія и переливы всеобъемлющей вавилонской символики. Постепенно мы все болѣе и болѣе замѣчаемъ, какъ обильны и распространены копіи съ восточнаго оригинала и удивляемся, какъ мы не видѣли раньше всѣхъ этихъ совпаденій..

Но я хочу теперь привлечь вниманіе ваше къ факту другого рода. Въ старинной вавилонской религіи вы найдете всѣ представленія, составляющія основу іудейской и христіанской психологіи искупленія. Распространено было убѣжденіе, что весь міръ, окружающая человѣка природа, его собственное существо исполнены зла, порчи и грѣха. Казни земной жизни, несчастія, болѣзни, преступленія должны еще возрасти за гробомъ, когда смерть и другія дьявольскія силы овладѣютъ несчастной тварью земли. Самъ богъ-податель свѣта не ушелъ отъ страданій, отъ мрака и мукъ, которыми охватываютъ его злобные враги. Неподкупные и всевидящіе счетчики и письмоводы пишутъ подробный списокъ человѣческихъ прегрѣшеній, и въ книгахъ будущаго опредѣляются вѣчныя воздаянія. Страшно прозвучитъ труба окончательнаго и общаго суда.

Но измученная ожиданіемъ душа вѣритъ въ заслугу молитвы, въ цѣлительную силу слезъ, она вѣритъ въ силу своего горячаго желанія, чтобы совершилось невозможное. Человѣкъ думаетъ: неужели покаяніе у святыхъ мѣстъ, трудный подвигъ воздер-

жанія, таинственное общеніе съ божествомъ при посредствѣ райской пищи, — неужели эти средства не могутъ обезпечить вѣрующему на томъ свѣтѣ спасительный островокъ среди океана страданія и мукъ? Можетъ быть, даже удастся проскользнуть вмѣстѣ со свѣтлымъ богомъ въ его ладьѣ въ тотъ моментъ, когда онъ уходитъ отъ темныхъ силъ болѣзни и смерти, найти въ немъ заступника и избавителя, возродиться съ нимъ вмѣстѣ въ его новомъ пришествіи?

У бога своя тяжелая смертная борьба, но развѣ онъ не можетъ также прикрыть своимъ могучимъ щитомъ малаго и слабаго человѣка? Божественный богатырь благъ и великодушенъ, и, можетъ быть, именно ради вѣрующихъ онъ и совершаетъ свой тяжкій подвигъ—сходитъ въ страшныя подземныя пещеры, глядитъ въ глаза ужасу смерти и уничтоженія, терпитъ удары и пытку и даже сохраняетъ язвы на своемъ прекрасномъ тѣлѣ?

Не только были поставлены эти вопросы, но на нихъ были даны и отвѣты. Всматриваясь въ эпизоды и толкованія вавилонскаго религіознаго эпоса, мы находимъ въ немъ одну за другой главныя черты міровоззрѣнія Новаго завѣта.

Верховный богъ, богъ стараго вѣка, богъ-отецъ— очень далекъ отъ людей и къ нему нельзя обращаться непосредственно. Но люди могутъ просить черезъ его сына, и онъ исходатайствуетъ имъ помощь и избавленіе: молодой богъ—вообще цѣлитель во всѣхъ болѣзняхъ и страданіяхъ. Его рожденіе происходитъ въ чудесной обстановкѣ. Его мать—небесная царица или небесная дѣва—бѣжитъ отъ преслѣдованій страшнаго адскаго дракона, сатанинской

силы. У колыбели будущаго спасителя міра происходитъ жестокая битва двухъ воинствъ, ангельскаго и дьявольскаго; впослѣдствіи изъ этого получился мотивъ избіенія виолеемскихъ младенцевъ. Великое сраженіе повторится потомъ въ концѣ временъ, когда сынъ Божій въ блестящей одеждѣ, при звукахъ трубъ появится въ облакахъ. Онъ сойдетъ въ адъ, пробудетъ тамъ три дня—срокъ сокрытія мѣсяца въ новолуніе,— но его не одолѣютъ силы подземныя, и онъ возьметъ ключи отъ вратъ адовыхъ, чтобы навѣки запереть ихъ. Въ своей славѣ спаситель міра обручится съ невѣстой своей, небо соединится съ землей. Это — позднѣйшій мотивъ второго пришествія и мистическаго брака небеснаго царя съ церковью.

Разными путями эти образы проникли въ Египетъ, Малую Азію, къ грекамъ, римлянамъ, сѣверно-европейскимъ народамъ. У грековъ есть боги, нисходящіе въ адъ для блага людей, есть безвременно погибшій Діонисъ-Загрей, рожденный дѣвой, котораго потомъ воскрешаетъ его отецъ; была цѣлая секта орфиковъ, которая пропагандировала идею искупленія и спасенія человѣка заступничествомъ бога-страдальца. Впослѣдствіи въ системѣ христіанскаго ученія многіе элементы восточной философіи небесъ встрѣтились вмѣстѣ; но они пришли врозь, сила отдѣльныхъ идей и образовъ была не одинакова. Царица небесная, напр., прибыла въ Римъ раньше своего божественнаго сына-искупителя міра: ее привѣтствовалъ возвышеннымъ гимномъ римскій просвѣтитель, поэтъ Лукрецій, современникъ Цезаря.

Въ то время какъ европейцы воспринимали первое изданіе вавилонской религіи спасенія, въ самомъ куль-

турномъ центрѣ продолжалась работа. Тутъ множились толкованія и варіаціи, возникали секты и школы, которыя разрабатывали, заостряли ту или другую сторону основной теоріи. У однихъ спеціальностью былъ вопросъ о подготовкѣ великаго подвига искупленія, о ступеняхъ постепеннаго возвѣщенія его, у другихъ—моментъ полнаго откровенія избавительнаго слова; одни преимущественно изображали муки героя-спасителя, другіе—предстоящее его возвращеніе въ сіяніи побѣды или среди окончательной катастрофы міра, которая будетъ гибелью для осужденныхъ и торжествомъ для спасшихся. Равнина Евфрата и ея ближайшія колоніи были полемъ работы, совершенно исключительной по своей напряженности; здѣсь кипѣли богословскія, литературныя и астрономическія школы, здѣсь было мѣсто горячихъ споровъ, диспутовъ и проповѣдей; здѣсь была фабрика и типографія безконечнаго множества обработокъ основного сюжета, догматическихъ и полемическихъ книжекъ, религіозныхъ романовъ и фантазій.

Дошедшія до насъ каноническія и апокрифическія сочиненія іудейской и христіанской литературы составляютъ лишь ничтожные по количеству, разрозненные обрывки этой сложной огромной работы. По ихъ облику, съ котораго большею частью стерты яркія краски оригиналовъ, можно только подозрѣвать о характерѣ и размѣрахъ религіознаго творчества.

Одинъ крупный фактъ мы можемъ, однако, уловить въ просвѣтительной работѣ. Происходитъ большая переоцѣнка старинныхъ религіозныхъ образовъ и чаяній, *вавилонская реформація*, если можно такъ выразиться. Реформаторы, сектанты находятъ миѳы о небесныхъ божествахъ слишкомъ пестрыми, свѣт-

скими, слишкомъ сильно говорящими о человѣческихъ страстяхъ, «языческими», какъ выразились бы позднѣйшіе богословы. Строгое направленіе хочетъ очистить ихъ: всѣхъ этихъ небесныхъ воителей, драконовъ и крылатыхъ быковъ, царицъ въ сіяющихъ ризахъ оно превращаетъ въ метафизическія сущности, на мѣсто звучныхъ реальныхъ именъ становятся блѣдные термины: Мудрость, Спасеніе, Слово — въ греческомъ переводѣ Софія, Логосъ и т. д. Астрономическая система превращается въ психологическую. Мѣсто великихъ перипетій въ надзвѣздныхъ сферахъ заступаетъ странствованіе человѣческой души, ищущей безсмертія. Новыя секты строятъ цѣлую систему восхожденія души на небо, въ райскія сферы, черезъ страхи и опасности искушеній.

Когда именно началась вавилонская реформація, мы не знаемъ; можетъ быть, пуританствующія секты идутъ очень издавна. Первое отраженіе сектантства, съ которымъ мы знакомимся, это — движеніе пророковъ въ позднѣйшемъ іудействѣ, приблизительно съ VII в. до Р. Х. Пророки требуютъ истребленія всѣхъ другихъ культовъ, кромѣ поклоненія Ягве (это имя въ старинномъ богословіи невѣрно читали «Іегова»), они требуютъ уничтоженія пестрой миѳологіи и символики. Но пророки вовсе не иниціаторы этого направленія, они его ученики, они — новообращенные и миссіонеры чужестранныхъ школъ. Даже позднѣйшій клерикальный націонализмъ іудеевъ не сумѣлъ укрыть того обстоятельства, что первые пророки дѣйствовали больше за границей: Илія въ Финикіи, Іона въ Ниневіи, у ассиріянъ.

Еще рѣшительнѣе стали іудейскіе ревнители въ вавилонскомъ плѣну, гдѣ они вошли въ соприкосновеніе съ оригинальными богословскими и литературными школами. Въ свое время Израиль вынесъ изъ Вавилона весь запасъ свѣдѣній и представленій о твореніи міра, о первыхъ людяхъ, о потопѣ и патріархахъ, о скрижаляхъ завѣта и т. п. Теперь, около 500 или 400 года до Р. Х. вернувшіеся будто бы изъ вавилонскаго плѣна іудейскіе эмигранты, а въ дѣйствительности новые колонисты, ушедшіе съ Евфрата на западъ, принесли очищенную вѣру и переработали свои старинныя книги, вычеркивая изъ нихъ натуралистическіе миѳы, яркіе символы, эпическую жизнь и игру красокъ.

Сколько усилій потратили новые ученые на то, чтобы объяснить единобожіе іудейства изъ особыхъ условій природы и исторіи Ханаанской земли! Напрасная работа! Все, и старая редакція, и реформа, все принесено изъ проклятаго впослѣдствіи Вавилона. Всмотритесь въ изображенія Ветхаго Завѣта: судьба маленькой страны, въ дѣйствительности ничтожной, силой литературно-богословскаго построенія превращена во всемірно-историческую драму. Но тѣсные кулисы, куда помѣстили дѣйствіе божественной трагедіи, задуманной на широкихъ равнинахъ Евфрата, среди волнующагося моря людей, эти узкія рамки Іорданской долинки и склоняющихся къ ней холмовъ выдаютъ заимствованіе.

Пуританская реформа не въ Палестинѣ возникла, но и дальнѣйшее ея существованіе не долго было связано съ Палестиной. Новые эмигранты и колонисты съ востока понесли ея ученіе далѣе въ Грецію, Римъ, Аффрику. Эти іудеи разсѣянія, т.-е. іудеи алексан-

дрійскіе, малоазійскіе, аѳинскіе и римскіе, были гораздо культурнѣе своихъ единоплеменниковъ, оставшихся на границѣ со степью.

Связь христіанства съ Палестиной также крайне слаба и случайна. Авторы евангельскихъ разсказовъ умѣли съ несравненнымъ искусствомъ изобразить краткое земное странствованіе галилейскаго плотника, который такъ очаровалъ простыхъ людей своей тѣсной провинціальной родины и такъ безжалостно былъ сломленъ старовѣрами и клерикальной аристократіей Іерусалима при безучастномъ любопытствѣ римскаго чиновника императорской полиціи. Но передъ нами лишь одинъ изъ примѣровъ того, что литературный пересказъ, романъ или эпосъ можетъ несравненно сильнѣе дѣйствовать на мысль и вѣру длиннаго ряда поколѣній, чѣмъ реальное событіе. Недаромъ римскіе, греческіе и іудейскіе современники молчатъ о томъ, что происходило въ Іерусалимѣ въ послѣдніе годы правленія Тиберія: среди эпизодовъ непрерывной почти партизанской войны, кипѣвшей въ маленькой безпокойной странѣ, смерть галилейскаго пророка, схваченнаго въ первые же дни появленія своего въ Іерусалимѣ, прошла совершенно незамѣченной.

Какъ историческій фактъ, эта краткая личная драма не имѣетъ значенія; она получила всемірное значеніе только какъ литературный образъ. Произошло явленіе, много разъ повторявшееся въ исторіи миѳовъ и догматовъ: божественную драму, совершающуюся внѣ пространства и внѣ времени, отождествили съ опредѣленнымъ эпизодомъ и фигурой эпохи; небесный процессъ превратили въ опредѣленнѣйшее земное происшествіе, всѣ детали котораго читателю предоставлялось прослѣдить на мѣстахъ. Таковы во-

обще разсказы о воплощеніяхъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Біографія приводитъ нѣсколькс индивидуальныхъ черточекъ, нѣсколько бытовыхъ моментовъ, имя подлиннаго учителя или организатора, но всѣ эти крупицы конкретной дѣйствительности теряются въ широкихъ рамкахъ божественныхъ эпитетовъ: сатана лично искушаетъ небеснаго посланника; въ уста ему вложены грозныя рѣчи о предстоящемъ судѣ надъ людьми и т. д.

Первые литературные провозвѣстники христіанства старались строго соблюсти мѣстный палестинскій колоритъ: они хлопочутъ о генеалогическомъ соединеніи своего героя съ мѣстнымъ національнымъ объединителемъ, Давидомъ; они умѣютъ передать идиллическую обстановку Генисаретскаго озера, крошечной арены, гдѣ бѣдные рыболовы слушали безхитростныя притчи о близкомъ царствѣ небесномъ, гдѣ краснорѣчивый назаретскій рабочій, оторвавшись отъ своего станка, поучалъ сравненіями изъ жизни трудового люда, изъ быта скромныхъ мастерскихъ или полевыхъ работъ крестьянина.

Но уже послѣдній евангелистъ пренебрегъ этими провинціализмами, этими кустарно-деревенскими мотивами. Дѣйствіе его философской драмы лишь по имени происходитъ въ Палестинѣ: самаритянка у колодца, Никодимъ, приходящій ночью къ знаменитому учителю, апостолъ Петръ, трижды вопрошемый Господомъ о силѣ любви къ Нему — не историческія и не бытовыя лица, а психологическіе типы, носители извѣстныхъ обще-человѣческихъ принциповъ, или такіе же условные персонажи, необходимые для репликъ, какъ собесѣдники Сократа въ платоновскихъ діалогахъ. Въ четвертомъ Евангеліи мы опять возвра-

щаемся къ чистымъ принципамъ, мы покидаемъ землю, чтобы приковать вниманіе къ небеснымъ перипетіямъ, мы опять среди мірового круговорота въ борьбѣ свѣта и тьмы. Насъ охватываетъ опять атмосфера миѳовъ, яркихъ легендъ, которыя въ Апокалипсисѣ превращаются въ огненныя видѣнія.

Какъ ни различны литературные пріемы синоптиковъ, т.-е. трехъ первыхъ евангелистовъ, и автора четвертаго Евангелія, но и первые и послѣдній были великими мастерами пропаганды, и невольно думается, что въ тогдашней бѣдной и малокультурной Палестинѣ едва ли многіе были способны на такое искусство. Христіанскія общины Палестины были ничтожны и эфемерны — если вообще онѣ здѣсь были — между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ странахъ пропаганда новаго сектантства пошла широко и полнымъ ходомъ. Опять Палестина была только промежуточнымъ пунктомъ, черезъ который прошелъ новый приливъ вавилонскаго богословія, чтобы возрастающими волнами заполнить европейскія колоніи, основанныя въ разное время тѣмъ же Востокомъ.

Къ сожалѣнію, вся богатая литература, въ которой каноническія книги, дошедшія до насъ, составляютъ ничтожную долю, исчезла; она истреблена руками позднѣйшихъ христіанскихъ же цензоровъ-ревнителей чистоты, которые старательно устроили пустыню вокругъ жизни основателя религіи, чтобы придать ей видъ внезапнаго осіянія и вытравить всякое сходство съ окружающими вѣрованіями. Допущенныя и одобренныя ими сочиненія стоятъ одинокими руинами, и вслѣдствіе этого происхожденіе ихъ остается темнымъ. Но что онѣ вышли изъ старинныхъ школъ съ богатыми традиціями, что онѣ—часть своего рода класси-

ческаго просвѣтительнаго вѣка, возможнаго лишь послѣ долгаго сложнаго развитія—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Христіанскіе апологеты 2-го вѣка, болѣе наивные, чуждые еще взглядамъ позднѣйшихъ ревнителей 4 вѣка, эпохи офиціальнаго христіанства,—апологеты были почти правы, когда говорили, что христіанство такъ же старо, какъ міръ. Мы теперь скажемъ нѣсколько точнѣе: да, оно такъ старо, какъ самая старинная культура міра—вавилонская.

Между тѣмъ главный очагъ тысячелѣтней культуры подвергся непрерывному ряду разореній. Ближніе сосѣди, ассиріяне, халдеи, персы, нѣсколько разъ расхищали богатства Вавилона. Увлекаемые блескомъ «вѣчнаго города», по значенію подобнаго Риму имперіи и среднихъ вѣковъ, завоеватели выбирали Вавилонъ столицей. Такъ же поступилъ и западный конквистадоръ Александръ Македонскій. Онъ самъ и его греки быстро вошли въ кругъ вавилонскихъ понятій. Когда Александръ лежалъ при смерти, ближайшій къ нему македонскій сановникъ и замѣститель направился въ храмъ Сарапси, вавилонскаго бога-отца, далъ себя усыпить и въ сновидѣніи искалъ пророческаго отвѣта о судьбѣ царя.

Между наслѣдниками Александра получилось любопытное соперничество. Одинъ изъ нихъ, Селевкъ, остался въ Вавилонѣ и могъ опираться на весь авторитетъ здѣшняго бога Мардука, властителя свѣта, бога-сына. Его противникъ Птолемей, сѣвшій въ Египтѣ, хотѣлъ перебить силу чужаго божественнаго покровителя и для этого перезвать на свою сторону вавилонскаго бога-отца Сарапси; съ большими усиліями онъ завладѣлъ однимъ изъ старинныхъ изображеній бога, хотя вавилонская икона все-таки ему не досталась.

Чужіе властители, помѣстившіеся въ Вавилонѣ, собирали съ трудолюбиваго населенія равнины снова и снова неслыханныя жатвы и подати, снова и снова извлекали выгоду изъ обширнаго транзита, шедшаго черезъ страну. Изъ нея массами уходили колонисты, какъ изъ Европы XIX в. въ Америку въ поискахъ лучшей участи. Край бѣднѣлъ, но все еще сохранялъ очарованіе, все еще въ немъ держались традиціи. Въ VII в. нашей эры возникло послѣднее произведеніе Вавилона, исламъ. Опять здѣсь намъ надо преодолѣть оптическій обманъ. Вѣдь намъ скажутъ, что «основатель религіи» Мохамедъ жилъ и дѣйствовалъ въ Аравіи; тамъ была первая община, первые «слѣпо преданные» ревнители. Но мы уже знаемъ, что нечего было основывать; можно было только заимствовать результаты огромнаго труда поколѣній. И помимо того: что могъ дать самостоятельнаго бѣдный и невѣжественный степной людъ, кочевавшій и разбойничавшій около Мекки и Медины?

Все, что было въ исламѣ возвышеннаго, вся наука его, философія, мистика, право, все это пришло не отъ арабовъ пустыннаго полуострова, а отъ арабовъ-колонистовъ, служившихъ персамъ и сидѣвшихъ на почвѣ стараго Вавилона. Здѣсь кипѣли и волновались секты, здѣсь была богословская лабораторія ислама. Но и эти арабы были только учениками: отъ своихъ предшественниковъ персовъ они узнали старинную вѣру въ великое слово избавленія, въ пророка, открывшаго новую эру человѣчества, въ страшный судъ и конечную катастрофу міра, въ круговоротъ событій и т. д.

Послѣднее изданіе вавилонской религіозной философіи слабѣе и блѣднѣе предшествующихъ, но этому

и нельзя удивляться: вѣдь расхитители, восточные и западные варвары, много разъ разрушали великолѣпное старинное строеніе; носители традиціи возстановляли его все съ меньшей и меньшей силой и энергіей, пока на мѣстѣ отъ него не осталось камня на камнѣ.

И все-таки этотъ послѣдній цвѣтъ восточной культуры былъ выше, богаче, тоньше, чѣмъ одичавшая христіанская Европа. Долгое время послѣдователи креста увлекались богатствами странъ полумѣсяца, покупали ихъ изящныя издѣлія, обвѣшивали свои церкви арабскими ризами, отправлялись на выучку къ мусульманскимъ натуралистамъ и философамъ.

Въ нихъ долго живетъ какое-то неистребимое тяготѣніе къ старинным источникамъ сокровищъ. Взятое съ востока сказаніе о земномъ раѣ переносятъ на самое страну восхода и ищутъ прямого доступа въ чудесный край. Слагается особая форма подвига, хожденіе къ святому мѣсту, чтобы пріобщиться покоющейся на немъ божьей благодати, унести частицу его земли или даже въ смутной надеждѣ принять въ немъ смерть и быть унесеннымъ прямо въ небесные края. Если божій градъ, Іерусалимъ, Мекка, Римъ, Сантъ-Яго—все равно, какъ бы онъ потомъ ни назывался—былъ въ чужихъ рукахъ, трудное богомолье превращалось въ отчаянную борьбу. Въ самой крупной борьбѣ этого рода, въ крестовыхъ походахъ, своеобразно сплетается воинственно-религіозный экстазъ и промышленная жадность, золотоискательская авантюра. Но въ нихъ также ярко отражается сознаніе западныхъ людей, что ихъ культура ниже, бѣднѣе, чѣмъ востокъ.

Однако, столѣтіе за столѣтіемъ колонисты и просвѣ-

тители уходили отъ источника свѣта и поученія. Ихъ потомки на чужихъ мѣстахъ забывали о старинной культурной родинѣ, которая въ то же время погибала, разрушалась. Такъ могло случиться, что Вавилонъ изъ священнаго города, изъ столицы міра сдѣлался для своихъ же дѣтей, іудеевъ, предметомъ отвращенія и проклятія «блудницей». По-своему они были правы. Свѣточъ міра перешелъ въ другія руки, тамъ, гдѣ были раньше учителя чистой мысли и вѣры, стали распоряжаться чужіе грабители, еретики, или невѣрные. Первые стали послѣдними. Поэтому представленіе о священномъ градѣ стало передвигаться на западъ, какъ будто слѣдуя за отливомъ колонизаціи. Градомъ божіимъ становится Іерусалимъ, еще позднѣе Римъ.

Но постепенно само понятіе о священномъ градѣ стало видоизмѣняться. Среди іудеевъ и христіанъ, а потомъ и мусульманъ появились мистики, сводившіе матеріальные моменты міровыхъ процессовъ на игру воображенія, на психологическія состоянія восторженной, или вдохновенной души. Эти представители религіознаго нигилизма, предвѣщающаго въ сущности конецъ религіи, разсуждали приблизительно такъ: зачѣмъ искать священной столицы міра, когда нѣтъ таковой на землѣ, когда все пропиталось порчей? Пусть люди отрекутся отъ стараго Іерусалима въ пользу Іерусалима новаго, града небеснаго, т.-е. въ пользу великаго идеала, спасительная сила котораго откроется только энтузіасту въ неизвѣстный, неопредѣлимый, нежданный моментъ.

Эта апокалиптическая идея, хоть и оторвалась отъ Вавилона и даже отъ всякой географической мѣстности на земномъ шарѣ вообще,—тѣмъ не менѣе при-

мыкаетъ къ чисто вавилонскому кругу идей; она играетъ переливами старыхъ миѳологическихъ красокъ. По изображенію мистиковъ небесный градъ лежитъ на могучей высокой горѣ: у него 12 воротъ, по четыре на каждую сторону свѣта или къ каждому изъ 4 великихъ вѣтровъ; каждый входъ изъ самоцвѣтнаго камня, соотвѣтствующаго созвѣздію большого звѣринаго круга на небѣ. Среди города отъ престола Всевышняго проходитъ чудесная, блистающая золотомъ улица или же это—сверкающій потокъ, въ которомъ можно узнать млечный путь, и т. п.

По слабымъ и блѣднымъ, много разъ стертымъ позднѣйшимъ копіямъ, мы можемъ лишь догадываться о богатомъ содержаніи и грандіозныхъ очертаніяхъ старинной культуры. Для того, чтобы открыть оригиналъ, нашей наукѣ надо было преодолѣть густую тьму, высокую ограду, которую поставили позднѣйшія поколѣнія. Ученики Вавилона, греки, іудеи, христіане, загородились отъ своей родины, искренно увѣровавъ въ свою собственную чистоту, непосредственность и оригинальность.

Но нашлись свидѣтели противъ ихъ заблужденія: вавилонскія плитки съ обрывками молитвъ и астрологическихъ выкладокъ, европейскіе кувшины съ однообразной фабричной мѣткой, а главное остатки огненнаго миѳологическаго языка въ священныхъ книгахъ, перешедшихъ къ европейцамъ, символы, часто совершенно непостижимые для вѣрующаго.

Свѣтъ съ востока кончился, и мы смотримъ лишь на почтенныя развалины. Болѣе 300 лѣтъ тому назадъ, въ эпоху реформаціи, оба произведенія вави-

лонской религіозной мысли, астрологія и ученіе объ искупленіи рода человѣческаго подвигомъ небеснаго посредника, испытали первые жестокіе сокрушительные удары. Въ XVIII вѣкѣ образованная Европа отвернулась отъ старой тѣсной религіозной философіи; раскрывши горизонтъ зрѣнія на безконечность міровъ, люди научной мысли не могли уже больше повѣрить въ вѣчность человѣческаго существа, въ вознесеніе души на близкую небесную гору, въ непосредственное вмѣшательство Провидѣнія, которое на пылинкѣ, называемой земнымъ шаромъ, чертитъ хитрый узоръ непонятныхъ людямъ путей.

Но, можетъ быть, этимъ отказомъ отъ религіи еще не произнесенъ приговоръ надъ всѣмъ наслѣдіемъ старинной культуры. На востокѣ существовало еще другое направленіе. Вѣдь вавилоняне, наблюдавшіе за 5 и 6 тысячъ лѣтъ назадъ небо съ такою изумительной добросовѣстностью, сдѣлавшіе столько точнѣйшихъ вычисленій, выработавшіе такую стройную систему взаимоотношеній между верхнимъ и нижнимъ міромъ, были настоящими создателями науки. Они, правда, исходили отъ невѣрной аналогіи, будто все земное— повтореніе и воспроизведеніе небеснаго, будто формулы человѣческихъ отношеній читаются въ небесныхъ комбинаціяхъ; но примѣняя эту аналогію, они были глубоко убѣждены въ закономѣрности наблюдаемаго, они искали естественной и постоянной связи вещей. Они стояли неизмѣримо выше той массы испуганныхъ и слабо разсуждающихъ людей, которые и въ ихъ время, и еще до сихъ поръ вѣрятъ въ чудесныя превращенія, переносятъ на природу человѣческія свойства и желанія и предполагаютъ въ мірѣ всюду прямыя дѣйствія силъ, похожихъ на человѣческую волю, да

и самую волю человѣческую представляютъ себѣ въ видѣ какого-то неуловимаго творческаго, чудеснаго начала.— Въ мірѣ не правятъ ни ангелы, ни дьяволы, а существуютъ сцѣпленія вещей, которыя можно постигать изъ сравненія съ подобными имъ явленіями; теоріи и методы со времени Вавилона мѣнялись и еще будутъ мѣняться, но научный принципъ остается все тотъ же, и вавилонскіе звѣздочеты были уже его обладателями.

Въ послѣдніе два вѣка много разъ дѣлались попытки вдохнуть жизнь въ слабѣющее тѣло религіознаго міровоззрѣнія. Возродители всѣ варіировали на одну тему: божественный планъ наверху, стремящаяся къ небу могучая вѣрой душа человѣка на землѣ. Ничто иное, какъ такая реставрація,—и новѣйшій идеализмъ, строющій мостъ между человѣкомъ и небомъ, все равно пытаются ли его представители прямо возвѣстить безсмертіе души, или окольнымъ путемъ возвеличиваютъ всемогущество воли человѣческой и туманно намекаютъ на ея божественное происхожденіе.

Наши предшественники, просвѣтители XVIII вѣка, были рѣзче и безпощаднѣе при встрѣчѣ съ религіознымъ сантиментализмомъ. Они считали его союзникомъ еще живой нетерпимой церкви, а въ ихъ время въ Испаніи жгли еретиковъ. У насъ теперь нѣтъ тѣхъ опасеній, старые властители довольно безсильны, но мы не можемъ не протестовать противъ религіозныхъ реставрацій, и не только потому, что онѣ кажутся намъ дѣтски-безпомощными; нѣтъ, мы осуждаемъ еще ихъ моральный смыслъ. Это напоминаніе о божественномъ планѣ въ земныхъ судьбахъ, о какомъ-то возможномъ утѣшеніи на справедливыхъ началахъ потустороняго міра заключаетъ въ себѣ ничто иное, какъ

скрытую попытку и призывъ примириться съ существующей несправедливостью и неравенствомъ на землѣ. Кто не хочетъ такого примиренія, не нуждается и въ этомъ утѣшеніи.

Изучая Вавилонъ, старинную, громадную и глубокую по идеямъ культуру, мы отмѣтили въ ней двѣ стороны, вызывающія въ насъ неодинаковыя чувства. Мы далеки отъ вавилонскаго сектантства, но мы можемъ протянуть руку умнѣйшимъ людямъ старинной науки.